

НАМ ОПЯТЬ НУЖНА ОППОЗИЦИЯ

Этот нерешительный и слабый путч дал российскому демократическому движению легкую победу. Он восполнил как раз то, чего так недоставало нашим демократам: подарил символ, что-то вроде взятия Бастилии. Теперь и у нас есть свои святые, свои мученики.

Главное его политическое последствие: враги Ельцина и сил, его поддерживающих, сметены. Можно всё: смещен союзный министерский кабинет, приостановлена деятельность РКП, закрыты газеты «Правда» и «Советская Россия», сняты нелояльные руководители на местах, очень ослаблен Горбачёв. Мало того, путч оттянул наступление будничной жизни для нашего демократического движения. Поясню: революция — всегда праздник, всегда карнавал. Потом наступает самый тяжелый момент: переход к будничной повседневности. Для революционных политических лидеров это всегда тяжелое испытание, потому что они формируются как раз в ситуации праздника. Они появляются и выдвигаются благодаря умению произносить яркие, зажигательные речи и проч., а на посту государственного деятеля от них требуются уже совсем иные свойства. Как тамада совсем не обязательно лидер в повседневной и трудовой жизни. Эти будни уже начинались. Стали падать тиражи газет, накопились усталость от митингов и манифестаций, раздражение от бессилия новой власти. Путч отодвинул будни, подарил продолжение праздника.

Итак, провалившийся мятеж 19 августа — великий подарок нашему революционно-демократическому движению. Но не демократии. Демократия и это движение — отнюдь не совпадающие между собой вещи. У нас демократы — это «революционная» партия со своими политическими целями, начертавшая демократию на своих знаменах. Эта партия, как и любая партия, имеет свою специфическую, не сводящуюся к демократии идеологию, свои специфические, не сводимые к демократии интересы, связанные с особенностями ее возникновения, с обстоятельствами ее политической борьбы. Отношение здесь примерно такое, как между одной из партий (Демократической или Республиканской) в США и американской демократией.

К примеру, круг вопросов, связанных с национальными отношениями, национально-государственным устройством. Политически после избрания Ельцина на пост главы российского парламента российским демократам оказалась выгодной идея республиканского суверенитета, позволявшая вступить в блок с национально-демократическими силами в республиках и использовать в своих интересах русский национализм. (Хотя поначалу господствовала идея прав всех наций, а не государственного самоопределения республик.)

Таким образом, у нас конкретно-историческая форма демократизма стала подменять собой само содержание демократизма. Идеология «Демократической России» постепенно начала обрастать напластованиями, не имеющими отношения к демократии как таковой, но имеющими отношение к конкретным политическим условиям существования этой партии. И сам демократический блок чем ближе к власти, тем, естественно, больше включает в себя людей, далеких от демократии и привлеченных туда стремлением к личным выгодам. Все больше включается и элементов околонационалистических. Наоборот, многие группы и силы», объективно вполне укладывавшиеся в логику и систему общедемократических принципов, оказались вне этого блока, на стороне КПСС и

союзного централизма. Чем, например, антидемократичны требования татар, которым демократы противопоставляют принцип единой и неделимой России? Но из-за конкретной расстановки политических сил татар меньше пугает союзный центр с его слабеющими структурами, чем усиливающаяся и все более обретающая националистическую окраску российская демократия. Чем отличается рабочий Таллинна от свердловского рабочего? Только тем, что поддержка требований таллинских рабочих российским демократам сегодня не выгодна. Поэтому свои, во многом демократичные, требования русский рабочий Таллинна выражает через Интердвижение. Подобным образом демократические по сути устремления бандеровцев привели их к поддержке Гитлера.

В сложившейся обстановке фактического возвращения к однопартийности в России процесс перерождения демократического блока пойдет семимильными шагами. Мы уже видим обстановку российского Верховного Совета, где царит атмосфера неприличной лести по отношению к своему руководству: аплодисменты, переходящие в овации, и предложение присвоить Ельцину звание Героя Советского Союза, и неприкрытое хамство по отношению к чужим.

Сложилась ситуация, благоприятная для оживления русского национализма. Россия получила возможность вести себя как великая держава, диктуя свою волю другим (народам?) республикам. Причем порой наши демократы доходят до того, до чего даже Сталин не додумался: к примеру, идея, что союзный премьер-министр должен быть обязательно «представителем России» (Сталин был все же «представителем Грузии»). Если дело пойдет так дальше, то мы очень скоро окажемся в обстановке популистского репрессивного режима с Ельциным во главе. А те силы, устремления которых объективно не покрываются этим блоком, будут искать в условиях демонтажа КПСС новое идеологическое выражение. Тот же таллинский рабочий шёл за КПСС, которую возглавлял Горбачёв, и потому его идеология была до некоторой степени ограничена теми рамками, в которых развивалась КПСС (то есть все же крайностей фашистского толка не допускавшими). Теперь — стремительная фашизация интердвижения. А татарским сепаратистам, по-видимому, не оставлено идеологической альтернативы: их путь теперь — путь к исламскому фундаментализму. Что еще могут они противопоставить России?

Российские демократы победили почти без борьбы. А демократия пока не победила. Демократии нужны, условно говоря, не только демократы, но и республиканцы, то есть нужна яростная, решительная борьба сил, которые все являются при этом демократическими. Самое, наверное, опасное сейчас — сплочение демократических сил вокруг Ельцина. Это может легко помочь бывшему первому секретарю Свердловского обкома проскочить в своем развитии демократически-популистскую стадию и превратиться в российского Перона или Насера. Меньше всего демократия сейчас нуждается в запрещении КПСС, закрытии «Правды», пире победителей на костях побежденных. Больше всего — в критике господствующих вариантов демократической идеологии и выработке альтернатив тех демократических идеологий, что вобрали бы в себя объективные демократические требования, которые данный, исторически ограниченный, «демроссийский» вариант вобрать в себя не может. Подобно тому как в США был блок, отстаивающий права штатов, и был противоположный, отстаивающий права сильного центра и, одновременно, меньшинств. Будь там только демократы или только республиканцы — демократии бы не было.

Выработка такой альтернативы — серьезной, реальной и не по принципу большей или меньшей умеренности, а по принципу иных идеологических акцентов, — насущнейшая историческая необходимость. Если на следующих президентских выборах у Ельцина не будет серьезного демократического

конкурента, то дело нашей демократии на данном историческом отрезке следует считать проигранным.